

МАСОНЫ И ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

Н. АСАДОВА: 0 часов и 10 минут в Москве. В эфире «Эха Москвы» передачи «Братья», передача о масонах. Я, ее ведущая Наргиз Асадова, приветствую вас. А также вас приветствует звукорежиссер Николай Котов и наш вечный гость Леонид Мацих. Здравствуйте.

Л. МАЦИХ: Добрый вечер.

Н. АСАДОВА: Так, сегодняшняя тема нашей передачи «Масоны и технический прогресс». Поэтому вопрос очевиден: как масоны относились к техническому прогрессу, к инновациям всякого рода?

Л. МАЦИХ: Масоны очень относились к этому позитивно. И это, собственно говоря, их отличало от огромной массы других граждан. Тут маленький экскурс необходим. Дело в том, что, как писал еще Чаадаев в «Философических письмах», в России одна из проблем общественного развития – это отношение к прогрессу как к идее. Для большинства западных стран прогресс есть вещь позитивная, то есть общество в целом относится к прогрессу положительно. А в России, полагал Петр Яковлевич, и, в общем, он был прав, прогресс вызывает отрицательные эмоции. То есть люди хотят старой доброй старины, люди хотят консервации прежних порядков, люди хотят вернуться к некому мифическому, всегда «золотому» веку. То есть вектор развития не вперед, а как бы назад. И этим обусловлена, по мнению Чаадаева, некоторая отсталость и технологическая, и даже, более того, отсталость некоторая идейная. То есть некоторые такие стереотипы, ограничения в мышлении, которые не позволяют людям оценить всей прелести прогресса. Хотя, разумеется, прогресс есть вещь далеко неоднозначная, это ясно. Есть издержки. Но, в принципе, именно этот вектор, по мнению Чаадаева, Европа избрала, и благодаря этому европейские страны вырвались вперед в цивилизационном соревновании. Масоны были ферментом этих инноваций и в Западной Европе, и в Европе Восточной. Но в России им приходилось гораздо тяжелее по тем самым причинам, которые я только что назвал. Но, вообще говоря, если где-то в обществе и брались люди, которые жаждали видеть инновации и научные, и технические, и технические, социальные, то это, разумеется, были масоны.

Н. АСАДОВА: И мы сегодня выбрали такого героя – Павла Николаевича Яблочкова, изобретателя великого русского. И мы его выбрали таким символом прогресса России. Его деятельность пришлась в основном на царствование Александра II, Александра III. Давайте, наверное, сначала послушаем «Портрет», который написал Алексей Дурново, ну а потом продолжим разговор о Павле Яблочкове.

А. ДУРНОВО: Павел Яблочков родился в небогатой, но очень образованной и культурной семье. Его отец, обедневший мелкий дворянин, жил в небольшом имении под Саратовом. Родители довольно быстро заметили, что их сын очень любит конструировать всяческие приамбасы. Видимо, поэтому они и решили определить мальчика в одну из саратовских гимназий. Яблочков произвел на

экзаменаторов сильное впечатление и был зачислен сразу во 2-й класс. Вот только в гимназии он задержался ненадолго, через три года его забрали домой, так как у семьи не было денег на дальнейшее обучение сына. Впрочем, отец и мать понимали, что их мальчик – человек незаурядный, и Яблочкова стали готовить к поступлению в Николаевское военно-инженерное училище в Петербурге. И юноша, не окончивший гимназию, блестяще сдал вступительные экзамены. В училище будущий изобретатель не только получил техническое образование, но и окреп физически. После выпуска получил чин инженера-подпоручика, но уже через год к немалому огорчению отца и матери оставил военную службу. Яблочков никогда не любил армию с ее муштрой и строгой дисциплиной, свою жизнь он хотел посвятить техническим наукам. В армию он, однако, еще ненадолго вернется и именно там познакомится с электротехникой. И уже после этого знакомства начнется тот период жизни Яблочкова, который целиком связан с различными изобретениями. Работая на Московско-Курской железной дороге, инженер одновременно пытался усовершенствовать дуговые лампы, в том числе знаменитый в тот момент регулятор Фуко. Именно Яблочков впервые в истории железнодорожного транспорта установил на паровоз прожектор, чтобы тот освещал ему путь. Электротехника не была единственной страстью Яблочкова, однако именно этому делу он предавался с отдельным наслаждением. И именно лампы в конце концов принесли ему мировую известность. Свечу Яблочкова изобретатель сконструировал в Париже, это была первая в мире дуговая лампа без регулятора. Горела она почти два часа. Это изобретение быстро завоевало мир, свеча Яблочкова осветила улицы крупнейших городов – Парижа, Лондона, Сан-Франциско, Берлина, Вены, Калькутты. До России новая лампа добралась с опозданием, ибо на Родине Яблочкова к различным новшествам всегда относились с недоверием. Как, впрочем, и к тем, кто эти новшества изобретает. Создатель новой дуговой лампы вернулся в Петербург в конце 19-го столетия. Торжественный прием его там не ждал, и Яблочкова встретили очень холодно. Вскоре изобретатель уехал в Саратов, где и умер. А его свеча еще долго дарил свет людям по всему земному шару. Правда, и ей однажды пришлось уступить свое место лампочке Эдисона.

Н. АСАДОВА: Ну что ж, это был «Портрет», написанный Алексеем Дурновом. Павел Яблочков – наш сегодняшний герой. Я, знаете, забыла напомнить телефон для СМС: +7-985-9704545. Те, у кого есть вопросы по нашей сегодняшней теме или, может быть, какие-то реплики, предложения, то присылайте, пожалуйста, нам их в эфир. Вот, знаете, пока я слушала портрет Алексея Дурново, я подумала: вот почему мальчика, который был слаб здоровьем, родители решили определить в военную академию?

Л. МАЦИХ: Ну, не в академию, это была такая юнкерская школа, ну вроде военного училища.

Н. АСАДОВА: Ну, военная школа, да. Но у нас-то впечатление такое, что в армию страшно выпускать-то здоровых людей.

Л. МАЦИХ: Не-не, ну тогда была совершенно другая армия, тогда в армии служить было престижно, почетно. Полное отличие от нынешней

армии, к великому сожалению для нынешней. Нечего и сравнивать даже. Кроме того, в армии обучали бесплатно и на полном пансионе. И у его родителей была вполне прагматическая причина – не было денег дать хорошее образование, чтобы за него заплатить в гимназии или в реальном училище. Поэтому для них армейская карьера для Павла была единственным выходом. Но не он не вписывался в армию. Кроме того, тут надо понимать, каким он парнем был. Он был здоровенным парнягой под два метра и производил впечатление такого атлета...

Н. АСАДОВА: И здоровяка.

Л. МАЦИХ: Да, здоровяка, трехсаженный удалец. А он был очень болен на самом деле, вот сызмальства он хворал. У него легкие были нехороши, и суставы, и сердце. Он умер 46-ти лет. Поэтому для него армейская служба – режим, требования определенные, хорошее питание, сбалансированное, без баловства юношеского – для него это очень пошло на пользу. И, в общем-то, это укрепило его физически и привило ему некоторые навыки распорядка. Он был истинно богемный человек, Павел Николаевич. Он никогда не мог организовать свой день. Он работал по ночам, а днем мог спать. То есть он не вписывался в систему. Он был человек от Бога. Вот как Делакура говорил: «Гений – это человек, которого поцеловал Бог». Вот Павел Николаевич был такой. Но ни в одной системе он, разумеется, чувствовать себя вполне комфортно не мог. Это отразилось и на его увлечениях как инженера, и на его общественной жизни, и на его жизни личной. Вот он как-то многое начинал, за многое очень брался, был необыкновенно одарен, но не все далеко доводил до конца. Не знал счета деньгам, в коммерции был абсолютным ребенком, по словам его близких. И, в общем, при своей гениальной одаренности он очень безалаберно распорядился во многом своими дарованиями и своими возможностями.

Н. АСАДОВА: С гениями так бывает часто. А скажите, каким образом он попал к масонам? И в какой момент это произошло?

Л. МАЦИХ: Это в Париже произошло. Тут вот какую штуку надо понять. Дело в том, что, во-первых, лабораторная база и оборудование для электротехника, он себя назвал электротехником, за границей были несопоставимо лучше, чем в России. И сейчас эта ситуация, к сожалению, ничуть не улучшилась. И он уехал.

Н. АСАДОВА: А когда он впервые уехал? В 75-м году?

Л. МАЦИХ: Да. И он устроился работать во французскую фирму «Бреге» и, в общем, неплохую сделал карьеру. Кроме того, он же жил своими изобретениями, для него вся жизнь, собственно, была изобретательство. Он, кстати, себя называл электротехником, и это не находило понимания у многих окружающих: что это еще за профессия такая? А вот он был изобретателем по преимуществу. Кстати надо сказать, что путь, которым он шел, изобретательство, был, к сожалению, тупиковым. А лампа накаливания, которую разрабатывали Ладыгин, Эдисон и многие другие, эта лампа оказалась гораздо более успешной. В конце концов она свечу Яблочкова вытеснила. Но когда Яблочков открыл свою лампу – вот эти два электрода, которые параллельно друг другу горят, укорачиваясь, а между ними прокладка из каолина, из китайской белой глины – для того времени это была полная революция. И он уезжал, гонимый кредиторами, из Москвы и Питера в Париж, а вернулся триумфатором. Он очень разбогател.

Н. АСАДОВА: Да, в 76-м году эта лампа Яблочкова или свеча

Яблочкова, просто ее раскупали в Европе в промышленных практически уже масштабах. И вот что писали немецкие, английские, французские газеты: «Вы должны видеть свечу Яблочкова!» - вот один из заголовков. Или: «Изобретение русского отставного военного инженера Яблочкова – новая эра в технике». Или: «Россия – родина электричества».

Л. МАЦИХ: Да, но потом уж никогда так не говорили, к сожалению. Вот такой был гениальный человек. Он был человеком неумным, и ему хотелось реализовать не только свои изобретательские технические идеи, но и свои идеи общественные. А он, надо сказать, ими бурлил. У нас обычно, когда говорят о биографиях инженеров, физиков, технических людей, обычно обходят стороной мировоззренческие вопросы. А тогда, как, впрочем, и всегда, это же было стержнем личности любой, Яблочков мыслил космическими масштабами. Он хотел понять законы мироздания, он хотел понять, каким образом космос влияет на Землю, каким образом история, социальная история человечества, каким образом она коррелируется с физическими законами. Его интересовали очень большие вопросы. Он очень много читал и был автодидакт. Он общался с образованнейшими людьми своего времени. Тогда в Париже уже складывалась такая вот стабильная, что ли, русская диаспора, состоящая из выдающихся людей. Возглавлял их Максим Максимович Ковалевский, профессор социологии, философ. И вот, общаясь с ними, Яблочков в масонство и вступил. Сначала вступил в Ложу, которая называлась... (по-франц.)

Н. АСАДОВА: Что в переводе с французского...

Л. МАЦИХ: Что в переводе с французского означает «Труд и верные друзья истины». Это была Ложка по французскому образцу или, по-масонски говоря, по французскому обряду основанная. Надо сказать, что между масонами французскими и англо-саксонскими существовало определенное противоречие и даже напряжение, переходящее в соперничество. Так вот, он вступил во французскую Ложу. С точки зрения английской, она была нерегулярной. И именно это не давало ему покоя, он захотел организовать свою Ложу, поскольку он все хотел по-своему переиначить. И организовал Ложу с очень красноречивым названием «Космос».

Н. АСАДОВА: Это уже в России было?

Л. МАЦИХ: Нет, это все было в Париже. В России тогда не больно-то можно было все это организовать. Он же к тому времени стал человеком богатым внезапно, и в эту Ложу он вложил не только жар души, но и значительные свои средства. Он хотел создать такое некое сообщество из российских эмигрантов, людей технически одаренных, успешных и неравнодушных. В основном это были инженеры, это были физики, это были, по-современному говоря, бизнесмены – «негоцианты» он их тогда называл. То есть он хотел из коммерческой и из технической элиты создать вот такие сливки общества, которые выработали бы идеи, каким образом России от своей десятилетней или даже, как он полагал, вековой отсталости избавиться. Вот этими задачами его Ложка и занималась, помимо прочих масонских работ. И что любопытно, он эту Ложу основал по древнему почитаемому шотландскому обряду. То есть он захотел ее легитимизировать. Он ее создал сам, но по обряду, который был признан мировым масонством.

Н. АСАДОВА: А он как-то испрашивал разрешение или благословение у шотландских Лож?

Л. МАЦИХ: Испрашивал, да. Он получил его. Он, кстати говоря, был мастером стула, то есть председателем Ложи «Верные друзья истины».

Н. АСАДОВА: А как это ему удалось сделать? Он же иностранец, и на чужой земле, в столице, можно сказать...

Л. МАЦИХ: А гениев все почитают. Он, кстати говоря, был кавалером французского Ордена Почетного Легиона, будучи иностранцем, что отнюдь не помешало ему, его иностранство, получить этот замечательнейший почетнейший орден. Кроме того, его имя было у всех на устах, и было очень почетно видеть такого человека.

Н. АСАДОВА: Ну да, Лувр был освещен его лампами – свечами Яблочкова.

Л. МАЦИХ: Лувр, улица Риволи – одна из красивейших улиц Парижа, Парижский ипподром, лучшие магазины, самые фешенебельные, престижные. То есть лампа Яблочкова была у всех на виду и его имя у всех на устах. И кроме этого, не надо забывать, он к тому времени был очень богат. Его богатство и бедность чередовались такими полосами, точно как ковер на полу масонской Ложи – черная, белая, черная, белая. Но иногда была белая полоса. Никто не знал, что она так скоро минет. Поэтому он был человеком популярным и богатым. Чего же было его не избрать?

Н. АСАДОВА: А вы знаете, когда мы говорили про масонские Ложи, то вы часто упоминали, что в масонских Ложях все-таки принято некую дисциплину соблюдать. А Яблочков, как вы уже сказали, он не очень был дисциплинированным человеком, скорее, он был человеком порыва. Каким образом ему удалось дослужиться до такого высокого статуса, как мастер стула?

Л. МАЦИХ: Ну, вот благодаря гениальным своим способностям. Может быть, он и ушел-то из Ложи «Труд и друзья истины», оттого что все-таки обязанности, которые не им установлены, его тяготили.

Н. АСАДОВА: Ну, все-таки, да, он же должен был не просто красоваться или его имя красоваться на посту таком...

Л. МАЦИХ: Он готов был работать, дело не в этом. Дело в том, что он признавал только те обязательства для себя необходимыми к исполнению, которые он сам для себя установил. И очень трудно было некие правила для себя принять к исполнению. Сложный был человек в быту, сложный. И когда он основал уже «Космос», там с самого начала уже было понятно, что он ее основатель, и он уже будет, разумеется, ею и руководить. И, в общем, решать будет, даже и Капитул Ложи, управляющий орган, так, как он этого хочет. Но проблема была в том, что все было слишком на нем завязано, и Ложа не просуществовала долго. И после его кончины она развалилась. Потом ее восстановили, уже после его смерти, в 98 году.

Н. АСАДОВА: А кто, кстати говоря, входил в его Ложу?

Л. МАЦИХ: О, там были выдающиеся люди – и Ковалевский, и такой Евгений Валентинович Де Роберти, и Вырубов, русский аристократ, и Котляревский, историк. В общем, это был действительно цвет тогдашней русской эмиграции – инженеры, профессора, философы, общественные деятели, аристократы. Яблочков воплощал в себе самый дух прогресса, поскольку электричество тогда, ну как сейчас компьютеры, это было живым воплощением, физическим воплощением идеи прогресса и того, как техника преобразует мир.

Н. АСАДОВА: Да сейчас тоже светодиодная лампочка Чубайса является символом прогресса у нас, понимаете ли. Ничего не изменилось.

Л. МАЦИХ: Ну, нет. У нас с лампочкой сложные отношения. До этого была лампочка другого человека, и тоже все говорили, что до него лампочек не было. Между тем, лампочка была задолго до Ильича, об этом следует знать. И лампочка Ладыгина, которую потом усовершенствовал Эдисон, и лампа Яблочкова возникли до всяких Ильичей. Поэтому когда мы говорим о российской науке, не надо понимать так, что, так сказать, большевики взяли Россию лапотной сохой, а потом привели к атомной бомбе. Это чушь. Была передовая наука, и Россия считалась тогда родиной технических инноваций и отчизной электричества. Вот так.

Н. АСАДОВА: Да, а теперь лампочка Чубайса, она вообще не Чубайса, а уже лет как, наверное... сколько? Лет 5 – 7, мне кажется, точно уже продается во всех развитых странах, в частности в Японии. Так что...

Л. МАЦИХ: Ну, в добрый час. Но мы же говорим о Яблочкове. Его свеча, она чем хороша была? Она была экономична для того времени, она гарантированно горела полтора часа очень ярко. И благодаря его экспериментам с солями металлов, можно было добавлять вот эту прослойку изолирующую между двумя электродами, и свет электричества менялся. То есть это было неслыханное тогда зрелище – красный, зеленый, синий, желтый оттенки. Но, кстати говоря, благодаря работам с этими солями металлов он очень подорвал свое здоровье. Он удержу не знал ни в чем, и он надыхался этими ядовитыми испарениями, потом он работал с хлором, с фтором, и все это на его здоровье сказалось самым фатальным образом. То есть он себя в этом смысле загнал и загубил.

Н. АСАДОВА: Я хочу вернуться вот к его Ложке «Космос». И вы перечислили имена российских деятелей, которые состояли в этой Ложке. А были ли там французы? Ведь все-таки это Париж...

Л. МАЦИХ: Нет, там не было французов. Там были только...

Н. АСАДОВА: То есть это для эмиграции русской?

Л. МАЦИХ: Да. То есть это была Ложка, принципиально направленная на привлечение русских эмигрантов. Ну, скажем так, российских эмигрантов, поскольку в нее входили... это тоже было некое новшество, инновация – туда входили не только этнические русские, туда входили армяне, грузины, евреи...

Н. АСАДОВА: Евреи даже?

Л. МАЦИХ: Евреи, да. Чего раньше в масонских Ложках не наблюдалось.

Н. АСАДОВА: А как же, если там все традиционные обряды были шотландские, соответственно, и христианские во многом, как евреи могли проходить эти обряды?

Л. МАЦИХ: К тому времени те евреи, которые туда вошли, они уже к такого рода обрядам перестали относиться как к вероотступничеству. Это уже конец 19-го века, и иудаизм потерял много своих, так сказать, приверженцев. Для тех евреев, уже европейских, ассимилированных и европеизированных, для них и христианство перестало быть жупелом, и масонские обряды утратили, так сказать, привкус такого разрыва, что ли, с иудейской традицией. Они ко всем этим вещам стали относиться как к некому такому культурологическому артефакту.

Н. АСАДОВА: А в 1878 году Яблочков все-таки вернулся в Россию, и задача у него была заняться проблемой распространения электрического освещения на родине. Как ему это удавалось делать?

Л. МАЦИХ: Ну не очень ему удавалось. Конечно, на Западе все шло

гораздо лучше. Поскольку и условия для бизнеса там были не в пример лучше, чем в России, и условия для его работы экспериментаторской. Он все время закупал реактивы, закупал оборудование новое, он все время чего-то там бил в своей лаборатории. Не щадил ни себя, ни тех вещей, с которыми работал. Кроме того, я же сказал, он не знал счета деньгам. Например, одна из его ошибок – он попросил себе в одной фирме немецкой, которая распространяла его лампы, не процент с прибыли, а фиксированную зарплату. То есть он если бы он просил процент, он был бы в сотни раз богаче. Но надо было проверять счета, нужно было входить в эти конторские книги – для него это была вещь абсолютно невозможная и чудовищно скучная. И он предпочел положиться на их честное слово, они ему выплачивали зарплату определенную. И когда спрос на лампы пошел на убыль, а это неизбежно должно было случиться, его благосостояние очень пошатнулось. А он полагал наивно, что спрос будет всегда. В этом смысле он тоже был маркетолог не очень хороший. Он полагал, что счастье будет длиться вечно. А кризис настиг его, как всякого человека, занимающегося электротехникой и вообще энергетическими вещами. В Россию он приехал пропагандировать свое изобретение в надежде на поддержку. И поддержку ему оказали, но моральную. То есть он здесь получил ломоносовскую медаль, премию, он получил звание члена Императорского общества, научно он получил бумаги, свидетельствующие о признании коллег...

Н. АСАДОВА: Была создана компания, Яблочков – изобретатель...

Л. МАЦИХ: Кампанию он сам создал. Вот он ожидал поддержки от государства, не получил.

Н. АСАДОВА: В общем, он был богатым человеком на тот момент. И ему дали создать эту компанию.

Л. МАЦИХ: Что значит «дали создать»? Тогда в России можно было зарегистрировать свое дело легко. Но вопрос в том, что он ожидал, что его, всемирно известного изобретателя, будут нести на руках два квартала. А ничего такого не было, никто не ждал особо. И, в общем, он не видел интереса не столько к своей персоне, сколько к его изобретениям. И столкнулся с тем, что здесь, по большому счету, никого не интересует. Это было для него очень тяжелым ударом. Он очень искренне любил Россию, так немножко эстетически, как все, что он делал, и этот момент его потряс абсолютно. Он, кстати говоря, на смертном одре, уже тогда последняя фраза его в жизни была такая: «И там нелегко (имеется в виду за границей), и здесь все трудно». Для него это было тяжким разочарованием, что вот здесь как-то он не получил того признания, на которое вправе был бы рассчитывать. Отчасти из-за консерватизма традиционного, мы говорили о нем в начале передачи, отчасти из-за характера его, отчасти из-за того, что... ну, в общем, российская цивилизация к тому моменту не нуждалась в таком количестве инноваций, какое пульсирующий гений Яблочкова готов был ей предоставить.

Н. АСАДОВА: Ну, то есть, по сути, он опередил свое время?

Л. МАЦИХ: Он по-иному считал. Он, как и Ковалевский, считал, что они не на той улице родились. Котляревский, один из друзей Ковалевского, все любил цитировать Пушкина: «Угораздило меня родиться в России с умом и талантом». Очень горькое признание. Но как раз вот Яблочков мог о себе такое сказать.

Н. АСАДОВА: Но он себя попробовал и в Париже, и добился успеха.

Ну чего бы ему там не остаться было?

Л. МАЦИХ: Ну, он же хотел принести пользу любезному Отечеству, для чего он и «Космос» затевал. Эти люди думали не только о своем кармане и своем преуспевании, в отличие от многих нынешних технически одаренных персонажей. Они искренне хотели Родине принести пользу. Они хотели, чтобы их изобретения двинули вперед не только Москву, Петербург, несколько центральных улиц, скажем, осветили, но чтобы в целом ситуация изменилась - чтобы пришли новые толковые молодые парни, чтобы электротехническое общество изменило быт не только двух столиц, но и глубинки российской, которая жила в совершенно зачастую по допетровским лекалам. Вот чего они хотели. Он же сам-то был саратовский, из глухого Сердобского уезда. Он искренне хотел, чтобы в его Саратове родном жизнь бы изменилась. Ну, пусть не как в Париже, но, во всяком случае, как в Москве и в Питере была бы. До этого было очень далеко.

Н. АСАДОВА: А когда он вернулся в Россию, он делал попытки, вообще его интересовало вступление в какие-то Ложи существующие масонские?

Л. МАЦИХ: Нет, он не делал таких попыток. Он полагал, что он чином их всех старше, и отношения у него с российскими масонами были довольно тяжелыми и напряженными. Его не очень принимали, а он не больно за этим признанием гнался. То есть он считал, что его Ложа «Космос» - это есть некая вершина достижения российского масонства. То есть это квинтэссенция всего того лучшего, что тогдашняя Россия способна дать. Он полагал, что эти люди, раз они оказались в эмиграции, то они уехали туда, будучи непринятыми на Родине. Это для него уже был знак их некоторой элитарности и исключительности. Это довольно сомнительный критерий, но он им руководствовался. И он не искал контактов с российским масонством, он полагал, что его Ложа «Космос», она должна всех... это же «Космос»! Она должна всех в себя вобрать. В этом смысле у него были такие же претензии, возможно, как в конце 18-го века у Елагина. Но это малоосуществимая в масонстве идея. Там каждый хочет быть на особицу.

Н. АСАДОВА: Яблочков работал в Политехническом музее в Москве.

Л. МАЦИХ: Да.

Н. АСАДОВА: И мы попросили Алексея Дурново выйти на улицу, к Политехническому музею, и поспрашивать прохожих, что же они знают об этом заведении и о роли Яблочкова в российской истории. Вот что получилось.

А. ДУРНОВО: О Политехническом музее разговор не получился, люди мало что знают о здании, что находится в самом центре Москвы и занимает едва ли не половину новой площади. Однако узнав у меня, что же это за дом и чем он знаменит, они неохотно заводили разговор. Технический прогресс, изобретения и роль России в мировой науке оказались отличной темой для дискуссии. Николая разговор об изобретателях сразу навел на мысли о советской авиации. Он вспомнил первый полет Гагарина, достижения Циолковского и посетовал на то, что отечественное самолетостроение находится в упадке.

- Освоение космоса. Мир познаваем на том уровне, на котором

достигнут научно-технических прогресс. Отсюда все выводы. Циолковского... (неразб.) К сожалению, мы утратили достижения все, которые были у нас в авиации. Мы были первые.

Забегая вперед, скажу, что Циолковский среди российских ученых и изобретателей оказался лидером. Люди назывались его чаще, чем кого-то другого. На втором месте оказался легендарный Кулибин. О нем и о не менее легендарных братьях Черепановых вспомнил Александр.

- Приносят пользу. Большой частью, да, я думаю, делается все на благо человека. Если разумно делается. Кулибина, пожалуй, назову. Ну, из прошлого так не вспомню. Помню, были изобретатели паровозов, братья, по-моему... А так больше никого не вспомню.

Демьяна разговор о технике побудил к философским размышлениям. «Прогресс – это, конечно, здорово, - заметил Демьян, - но люди не должны забывать, как работать руками».

- В принципе, они должны больше помогать людям, чем совсем обезоруживать их. То есть не вызывать у людей лени, что ли. То есть они должны стимулировать людей делать что-то, чем отнимать у них действия какие-то. Ну, такие вещи, допустим, как засунуть посуду в посудомойку – это, конечно, здорово, но иногда полезно сделать это и самому.

Самым интересным собеседником оказался Камиль. Он вспомнил немало российских изобретателей и сказал, что техника может быть весьма опасной, если не следить за ее состоянием.

- Технический прогресс, он всегда в чем-то приносит пользу во многом. Но может быть и побочный эффект, который может оказаться очень вредным, а иногда и роковым. Допустим, от какого-нибудь открытия. Рассмотрите, например, что случится, если случится авария на адронном коллайдере. Циолковский, Королев, я не знаю. Ну, это ученые. Шухов, Шуховская башня, вот например. Попов, который радио изобрел. Если еще минут пять постоим, точно еще напридумываю...

В общем и целом прогулка по Новой площади выявила следующее – люди очень любят технику. А потому при слове «политехнический» глаза у них сразу загораются. Есть, правда, и опасения, связанные с безопасностью различных изобретений. Все, как у классика: с одной стороны - техника, с другой – ее разоблачение.

Н. АСАДОВА: Ну что ж, я так поняла, что до сих пор люди как-то с опаской относятся к прогрессу.

Л. МАЦИХ: Ну не все, не все. Да, есть люди, которые, конечно, опасаются техники и боятся, может быть, электричества. И такое возможно. Но, вообще говоря, прогресс сделал большие семимильные шаги в Отечестве. Другой вопрос, что далеко не все изобретатели известны. Скажем, тот же Яблочков, может быть, несправедливо забыт. Этот человек, хотя он шел, может быть, ложным путем, но принес российской науке и технике, возможно, самую большую славу как изобретатель. Вот если спросить западного человека обычного, с улицы, кого он знает из российских изобретателей, я думаю, Яблочкова назовут в первую очередь,

а не, скажем, Попова или кого-нибудь иного, скажем, Жуковского, которого знаем мы. И очень важно, что такое человек был масоном. Это принципиально важно не только для нашей передачи, но и для понимания самой сути масонства российского как в конце 19-го века, когда Яблочков жил и творил, так и в целом.

Н. АСАДОВА: И на сайте мы, как всегда, перед передачей проводили викторину и спросили, каким орденом был награжден Яблочков. Скажите, пожалуйста, каким.

Л. МАЦИХ: Он был награжден французским Орденом Почетного Легиона. Это исключительная честь, тем более для иностранца. Это за его вклад в науку и технику и за то, что его свеча произвела подлинный переворот и в умах, и в коммерции тогдашней Европы. Кстати, в Политехническом институте, о котором так здорово рассказал Алексей Дурново, он спорил с Ладыгиным насчет того, какой путь электрических ламп магистральный. Ладыгин был прав. Хотя на тот момент лампа накаливания казалась тупиковой ветвью. А оказалось наоборот. В конце концов, именно Ладыгин с Эдисоном оказались правы. Яблочков, кстати, долгое время этого не желал признавать. Под конец его жизни стало понятно уже, что это соревнование техническое он проиграл. Но он упорно не желал этого признавать. К сожалению, ему было свойственно некое такое упоение собственными идеями.

Н. АСАДОВА: Да, нас тут спрашивают на СМС-ках (кстати, телефон для СМС +7-985-9704545): «На ком был женат Яблочков?» Вот он был дважды женат.

Л. МАЦИХ: Он был дважды женат, да. У него было две супруги.

Н. АСАДОВА: Первую звали Никитина Любовь Ильинична, вторую – Альбова Мария Николаевна.

Л. МАЦИХ: Верно. Но дети его не жили долго, к сожалению, умирали... Некоторые из его детей умерли в юном совсем возрасте. Как-то вот, как он сказал: «Не живут мои дети».

Н. АСАДОВА: Ну вот, знаете, один из его детей от первого брака Борис все-таки... ну, хотя не очень много прожил, но, тем не менее, стал инженером-изобретателем, увлекался воздухоплаванием, работал над составлением новых сильнодействующих взрывчатых веществ и боеприпасов.

Л. МАЦИХ: Он от этого и погиб. Он полностью пошел по стопам отца. И здоровьем он был слаб, как отец, и такой же увлекающийся, такой взрывной, горящая натура, и погиб он от своих опытов. В этом смысле он не достиг славы Павла Николаевича, но пошел по его стопам.

Н. АСАДОВА: 30 лет всего прожил, 31 год. От второго брака сын Платон тоже стал инженером...

Л. МАЦИХ: Да, но он совершенно неизвестен, просто он сын своего отца. К сожалению, здесь природа чуть-чуть отдохнула. И дети Павла Николаевича никакого вклада заметного сколь-нибудь в науку и технику не внесли. Ну так часто и бывает. Он был счастлив, в общем, в семейной жизни, насколько это можно было при его феерической натуре. Он действительно горел, как его собственная свеча. Но трудно с ним было, конечно. И обеих этих женщин можно назвать героинями с полным основанием, потому что он был человеком абсолютно неуемным.

Н. АСАДОВА: Вы сказали, что его Ложя «Космос» после его смерти развалилась, но в 1899 году ее воссоздали. Кто ее воссоздал, и как долго

она просуществовала?

Л. МАЦИХ: Ну, в 98-м начался и в 99-м завершился процесс ее, так сказать, реконституирования, как масоны говорят. Это сделал Максим Максимович Ковалевский. Это его, главным образом, заслуга. Он считал своим долгом и профессиональным, и человеческим, и масонским продолжать дело Павла Николаевича, который так вот буквально сгорел в своих изобретениях. И он эту Ложу восстановил. Но надо сказать, что, к сожалению, и здесь не благоволила судьба Павла Николаевича. Ложа его далека была от тех амбициозных проектов, которые он связывал с ее созданием. Ничего такого всеохватного она не успела совершить. Ее не только российское масонство не признало, но и та же эмиграция, то есть значительно меньший круг людей, не торопилась признавать единственной, всеобъемлющей или главной Ложей ничуть. Она просто осталась таким вот уникальным, удивительным феноменом на масонской эмигрантской ниве. Но все это опять-таки было связано с его личностью. И хотя Ковалевский работы Ложы возобновил, но никакого более или менее заметного вклада в дальнейшем в истории российского масонства эта Ложа не оставила.

Н. АСАДОВА: Павел Николаевич Яблочков умер 19 марта (или 31 марта по новому стилю) 1894 года. И его похоронили в родном селе Сапужок в ограде Михайло-Архангельской церкви, в фамильном склепе. А история этого захоронения тоже очень интересная, трагическая, потому что в конце 30-х годов уже 20-го века эту церковь разрушили, и пострадал фамильный склеп. И поэтому могила великого русского ученого и изобретателя была утеряна. И только уже накануне столетия ученого Вавилов принял решение уточнить, где же захоронен Павел Николаевич. Была создана специальная комиссия, могилу долго искали. И теперь на ее месте, насколько я понимаю, поставили надгробную плиту и даже, по моему, памятник.

Л. МАЦИХ: Да, есть памятник. Вот, видите, какая судьба у него была замечательная. Так он ярко горел при жизни, а вот как-то после смерти... Недаром он сказал: «Не живут мои дети». И детище его главное – его свеча – тоже, в общем, оказалась весьма недолговечной, хотя и таким неземным светом светившая, и Ложа, которую он основал, не оставила больших следов, и могилы от него не осталось. Вот такая судьба была у этого удивительного и гениально одаренного человека. Его жизнь – в каком-то смысле история гениальных заблуждений. А это важно понять, что заблуждения – не менее полезная и необходимая вещь для развития человечества, чем победы и идеи верные. В масонстве достаточно много было ложных идей, заблуждений, ошибок. Но не ошибается тот, кто ничего не делает. Без них не было бы прогресса. Вот как раз боязнь ошибок – вот это то, за что чаще всего критиковали масоны ретроградов, реакционеров и тех людей, которые боялись прогресса. То есть лучше ошибись, но сделай. Они не боялись делать. Яблочков – классический пример такого рода подхода. Он не боялся делать, часто ошибался, выбирал ложные пути, промахивался. И главные детища его привели в тупик. Но свет его имени, его гения и его великий заблуждений надолго осветил вот поле российской действительности. И в этом смысле его память заслуживает всяческого уважения. Этот человек не боялся ошибаться.

Н. АСАДОВА: А скажите, вот кто еще из масонов, известных масонов, изобретателей, нам известен из той эпохи, в которой работал

Яблочков?

Л. МАЦИХ: Такого уровня, как Яблочков, их было мало. Были инженеры, которые работали на флоте, которые работали в армии, работали на железной дороге. То есть их было достаточно много. И они вносили свой посильный вклад в технический прогресс и даже прогресс научный. Ну, понятно, что научные достижения каким-то образом реализовывались в технические решения. Но такой огромной фигуры, как Яблочков, больше нет. Масоны предлагали вступить в их ряды Ладыгину, но он отказался. Не исключено, что потому, что в их рядах был Яблочков, а они были противниками принципиальными с точки зрения пути развития электротехники.

Н. АСАДОВА: +7-985-9704545 – телефон для СМС. Присылайте свои вопросы. Нам, кстати, достаточно большое количество вопросов приходит и на сайт. Вот сейчас прочитаю некоторые из них. Галина спрашивает: «Наргиз, Леонид, спасибо за передачу. Вы обещали рассказать о розенкрейцерах». Знаете, Галина, мы уже рассказывали о розенкрейцерах немного. Если вы в архиве на нашем сайте немножечко покопаетесь, то вы найдете интересующую вас тему. Мы уже отвечали действительно на этот вопрос. Еще вопросы: «Почему сейчас нет таких великих изобретателей? Время не то? Наука стала другой? Роль личности меньше?».

Л. МАЦИХ: Я думаю, это неверная посылка. Есть такие изобретатели. Безусловно, они есть. Да вот пример живой: в России вырос молодой парень - здесь он оказался, к сожалению, не ко двору, уехал в Америку, - который изобрел поисковик «Google», который раскрутился в компанию с капитализацией в 20 млрд.. Шутка ли? И здесь бы пригодился.

Н. АСАДОВА: Господин Брин. Но, вы знаете, он уехал в довольно раннем возрасте. Я думаю, что это родители его уехали и его с собой забрали.

Л. МАЦИХ: Как он писал, его тут поиски никому особенно не были нужны. Изобретатель – это такое нежное растение, такой уникальный цветочек, он привык к тепличным условиям. А российская действительность далека от условий тепличных.

Н. АСАДОВА: Холодно тут. Мария из Санкт-Петербурга спрашивает: «Была ли у Яблочкова масонская библиотека?»

Л. МАЦИХ: Особой масонской библиотеки у него не было. И по сравнению с героями наших прежних передач – Уваровым, Ланским – конечно, тут нечего даже сравнивать. Но у него же, в отличие от них, была масса книг специальных – по физике, по химии, по геологии, по электротехнике. Специальной такой выдающейся масонской библиотеки у него не было. Это нет.

Н. АСАДОВА: Еще у нас один вопрос, от Кристины: «А приносились ли масонами клятвы на других святых книгах – Торе и Коране?» Потому что мы до этого говорили, что евреев не принимали в масонство, потому что действительно клятвы произносились на Библии чаще всего. Но вот, скажем, применительно к Ложе «Космос», созданной Яблочковым, куда принимали и евреев, и, я так понимаю, наверняка способны были принять и людей других вероисповеданий, не только христианских, там приносились какие-то клятвы?

Л. МАЦИХ: Клятвы и обеты приносились везде. Тут что важно понять...

Н. АСАДОВА: На чем?

Л. МАЦИХ: На той же Библии, только, может быть, без креста. Скажем, на протестантских Библиях не изображается крест, поскольку любое изображение в протестантстве осуждается. Только поэтому. И, может быть, на такой Библии клялись. Дело не в этом. Дело не в формальном моменте, на какой книге приносится клятва, а дело в том, что произошло изменение в понятиях о божестве, что есть божество. То есть понятие о Боге усложнилось и стало куда-куда более тонким, чем, скажем, в середине-начале 19-го века, и Бога перестали воспринимать, ну, скажем, с точки зрения такой примитивно понимаемой доктрины. Идея, скажем, богочеловечества, она уступила место совершенно другому пониманию Бога, гораздо более высокому. С этой точки зрения, исчезли противоречия, скажем, у тех иудеев или у людей, которые вообще к христианству как к доктрине относились скептически. Их эти барьеры внутренние, они отпали. А формальным выражением этого было то, что стали принимать людей без различных конфессий, в том числе, скажем, и иудеев.

Н. АСАДОВА: Дмитрий Ваганов, предприниматель из Казахстана, прислал нам на сайт вопрос: «В предыдущих программах вы говорили, что в определенной степени учение масонов основывается на Кабале...»

Л. МАЦИХ: Это верно.

Н. АСАДОВА: «...Тем не менее, недавно я узнал, что неевреям иудаизм запрещает изучение глубин устной Устной Торы - Талмуда. Масоны игнорировали этот запрет? И как на это смотрели раввины?»

Л. МАЦИХ: Я думаю, что масоны не интересовались мнением раввинов особо. Во-первых, неверная посылка нашего казахского слушателя о том, что якобы иудаизм запрещает неевреям изучать Талмуд. Это совершенно не так. Есть множество ученых-неевреев, которые внесли огромный вклад в изучение Талмуда. Это и Штарк, немец, и Финсберри, англичанин. А уж в новейшее время таких просто нет числа. Это и французы, и американцы, и итальянцы, и кого там только нет. Поэтому это неверный тезис, такого запрета нет, и он никогда не действовал. Другой вопрос, неевреи особенно не рвались Талмуд изучать. Но уж кто брался, никакого запрета, конечно, не было. Кроме того, Талмуд и Кабала – вещи далеко не всегда тождественные. Это разные корпуса текстов, скажем так, и у них разные доктринальные вещи лежат в основе, не углубляясь в тонкости. А кроме того, почему, собственно говоря, мнение раввинов должно было масонов хоть в какой-то степени озабочивать? Раввины думали так, они думали по-иному. Масонский подход к миру отличается от религиозного тем, что масоны сами принимают решения, как им мыслить и как им строить свою жизнь, без оглядки на священника, (неразб.), на попа или раввина.

Н. АСАДОВА: Евгений Коноплев из Москвы спрашивает, у него целый корпус, как вы говорите, вопросов, и все они почему-то касаются книжки Дэна Брауна «Утраченный символ». Так вот: «Читать книгу Дэна Брауна «Утраченный символ», апологию масонства, так сказать (он лично читает ее)... Прошу напутственных рекомендаций у эксперта по масонству. Чему верить, а чему нет? Вообще ваше отношение к этой книге».

Л. МАЦИХ: Ну, уважаемый слушатель, я должен сказать с самурайской прямоотой, что я этой книги не читал.

Н. АСАДОВА: Хотя я хочу сказать, что когда эта книжка вышла на английском языке, я ее Леониду Александровичу привезла честно из командировки. Он отверг гневно.

Л. МАЦИХ: Да, это правда. Наргиз выполнила свой долг перед Дэном Брауном. Но мне хватило одной книги – «Код да Винчи». И как мне кажется, я про Дэна Брауна, как его называют в англоязычном мире Брейн Даун, я про него почти все понял как про писателя. И он мне не интересен. Если бы у меня было четыре жизни, я бы читал и Дэна Брауна. А так как жизнь одна, и я массу любопытнейших вещей не успеваю прочесть, то за Дэном Брауном я не слежу. В этом смысле я плохой буду вам советчик. Я бы посоветовал вам ничему не верить.

Н. АСАДОВА: А еще Евгений подозревает нас в том, что вот мы решили нашу передачу «Братья» как-то, каким-то образом подстроить под выход книжки Дэна Брауна. И он просит нас рассказать об истории создания передачи «Братья». «Она уже, кажется, - пишет Евгений, - появилась после того, как книга Дэна Брауна прозвучала на Западе?» И он подозревает, что мы эксплуатируем новый тренд. Ну мы можем рассказать, да, как возникла эта идея создания...

Л. МАЦИХ: Нет, это великая тайна, во-первых... А во-вторых, мне кажется... как зовут, Евгений, да, нашего радиослушателя?

Н. АСАДОВА: Да.

Л. МАЦИХ: У него впечатление, что вообще Солнце и Светило движутся исключительно в связи с выходом книжки Дэна Брауна. А раньше и Солнце не восходило...

Н. АСАДОВА: Ну наша передача, в общем, была запланирована до выхода этой книжки в свет, безусловно. И она никак не связана с книжкой Дэна Брауна. Ну, так совпало, что вот он тоже выпустил свою книгу примерно в это же время.

Л. МАЦИХ: Мы должны гордиться тем, что мы живем в одно время с этим замечательным персонажем. Но я как-то отказываюсь это делать.

Н. АСАДОВА: Нас Алик спрашивает: «Лобачевский не был ли масоном?»

Л. МАЦИХ: Нет, Лобачевский масоном не был. Интерес к масонству проявляла Софья Ковалевская. Но поскольку она была дама, то вот ей масонской стать не удалось. А Лобачевский – нет. Менделеев, кстати, проявлял интерес к масонству, но так его и не реализовал. В этом смысле не следует думать, что все великие ученые, новаторы, техники, изобретатели, все были масонами. Это не так. Вот мы выбрали фигуру Яблочкова как наиболее показательную и с точки зрения его личной судьбы, и с точки зрения великих заблуждений, и с точки зрения великих открытий.

Н. АСАДОВА: Ну, пожалуй, еще один вопрос я успею задать с сайта. Из Германии нам пишет человек под ником «Елияху», вот так вот, учитель из Германии: «В одной из передач вы говорили, что там, в масонстве, евреям было абсолютно не месте. Кроме того, нужно было там положить руку на Евангелие. Для евреев тогда это было вероотступничеством и так далее. В электронной еврейской энциклопедии же указано, что евреев принимали в масоны уже в 18-м веке. В середине 18-го века евреи были членами масонских Лож не только в Англии, но и в Нидерландах, Франции, Германии и так далее».

Л. МАЦИХ: Уважаемый немецкий слушатель, евреи – это понятие этническое, иудеи – конфессиональное. Евреи – да, были. Особенно те, кто окрестились в протестантство. Но иудеев, то есть людей, сохранивших конфессиональную приверженность к иудаизму, в масонах не было. Кроме

того, времена-то меняются. И еще раз говорю вам: ситуация за 100 лет в Европе изменилась радикально. В конце 19-го века стало возможным то, о чем в конце 18-го века никто и не помышлял. И к концу 19-го века стала не очень важной приверженность к той или иной конфессиональной доктрине. Российское еврейство очень во многом эмансипировалось и связь с иудаизмом, религией отцов, утратило. В этом смысле они ничем не отличались от своих русских, немецких, французских собратьев и легко принимались в масонство. Проблема была с приемом не столько у масонов, сколько у евреев. А к концу 19-го века эта проблема отпала.

Н. АСАДОВА: Ну что, у нас остается меньше минуты до конца передачи. Давайте подведем небольшой итог нашей сегодняшней теме «Масоны и технический прогресс».

Л. МАЦИХ: Проблема инноваций – ключевая проблема для любого общества с начала 19-го века. К сожалению, в России не уделялось достаточного внимания зачастую этой проблеме, чем обусловлена некоторая прискорбная отсталость и в идеях, и в технологиях. И масоны были тем ферментом, который помогал российскому обществу преодолевать настороженное, консервативное, предвзятое отношение к прогрессу. Масоны, в общем-то, вытаскивали российское общество на столбовую дорогу европейской цивилизации. В этом смысле масоны – изобретатели, техники, инженеры, физики – сыграли огромную роль в становлении России как европейской державы. И в особенности любопытна здесь фигура Яблочкова, феерическая, как его свеча жизни.

Н. АСАДОВА: И это была программа «Братья». Я, Наргиз Асадова, Леонид Мацих и наш звукорежиссер Николай Котов прощаемся с вами.